

ГЛАВА 1

Счастье, в отличие от несчастья, редко случается неожиданно. Его ждешь, ждешь, предвкушаешь, представляешь, а когда оно приходит, то настоящей радости уже не испытываешь. Она испарилась, как вода из чайника, слишком долго кипевшего на огне. Умом понимаешь, что должен испытывать счастье, а не получается. И чувствуешь себя обманутым. Лохом.

Так думал Евгений Зоряной, молодой человек лет двадцати семи — двадцати восьми. Стоял он возле ворот ИТК, только что закрывшихся за его спиной, подобно челюстям чудовища, упустившего добычу. ИТК — это, конечно, исправительно-трудовая колония, как известно у нас практически любому. Еще совсем недавно Евгений был зэком, то есть заключенным, отбывающим пятилетний срок. Теперь он был человеком относительно свободным, имеющим право поехать в любую сторону или даже сесть на истрескавшийся асфальт перед воротами, увитыми колючей проволокой.

Обычно освободившихся зэков выпускали из дверей контрольно-пропускного пункта, но Евгений Заря удостоился особой чести, потому что в КПП азартно вскрывали и потрошили прибывшие на зону посылки. Адресованы они были отнюдь не прапорщикам и сержантам, которые набивали карманы и баулы. Не то чтобы вертухаи стеснялись присваивать чужое добро, но предпочитали делать это без лишних свидетелей. Вот почему для Евгения открыли ворота, а потом нетерпеливо помахали рукой: «Пошел, пошел!»

И он пошел.

Сперва по длинной пустынной дороге, вымощенной разбитыми бетонными плитами с торчащими концами арматуры, потом по обочине довольно оживленного шоссе, вдоль которого протянулись стальные опоры линии электропередачи, напоминающие марсианских пришельцев, выстроившихся на фоне лесополосы. Стоял конец мая, зелень была густой и пышной, трава кишела кузнечиками, брызгающими во все стороны при приближении Евгения.

Время от времени на пути попадались бархатные изумрудные ящерицы, остающиеся на месте до самого последнего момента, когда, казалось, им уже не разминуться с шагающими ногами. Тем не менее ящерицы успевали пуститься наутек, спрятаться и отсидеться. И это было очень правильно, разумно, в полном соответствии с инстинктом самосохранения. Пять лет назад Евгений поступил вопреки этому инстинкту и впоследствии очень часто жалел об этом.

Но сделанного не воротишь. Да и судьбу не перехитришь. Если тебе суждено быть раздавленным, то можешь не сомневаться — раздавят. Интересно, а у ящериц тоже есть линии судьбы, гороскопы, предначертания? Нет, конечно. Так, может, это все люди себе напридумывали?

Сиплый рык за спиной заставил Евгения отпрыгнуть от дороги. Оглянувшись, он увидел большущий желтый самосвал на высоких колесах.

— Залазь, — предложил водитель, высовываясь в окно. — Подброшу.

— У меня в карманах не густо, — предупредил Евгений, который отправился в путь пешком из экономии.

— Я платы не возьму, — сказал водитель. — Садись давай.

У него было лицо умной обезьяны, с выпяченными губами и маленькими блестящими глазками под нависающими надбровными дугами. На его месте Евгений не стал бы отращи-

вать длинные рыжеватые бакенбарды. Звали обезьяноподобного водителя Митяем. Расположившись рядом на не слишком удобном сиденье, Евгений представился и сказал, что едет на вокзал.

— Я тебя высажу неподалеку от вокзала, — сказал Митяй. — Минут двадцать ходьбы.

— Благодарю, — механически произнес Евгений, которого жизнь в неволе отучила говорить обычное человеческое «спасибо».

— Отсидел, значит? Вещишек у тебя маловато.

Тронувшись с места, Митяй кивнул на тощую сумку в ногах Евгения.

— Там, где я был, барахлом не обзаводятся.

— Там, где ты был, я провел десять лет своей жизни, так что кое в чем разбираюсь.

— О! Тоже срок тянул?

Митяй быстро взглянул на Евгения близко посаженными глазками и произнес:

— Ты бы избавлялся от этого, Жека.

— От чего?

— От музыки блатной. — Митяй пощипал себя за бакенбарду и снова положил руку на баранку. — Это многое изменит в твоей жизни. Когда говоришь «откинулся», ты как бы допускаешь, что можешь вернуться обратно. Совсем другое дело — «освободился». Это звучит иначе, не находишь? Обнадеживающе.

— Ну не знаю. — Евгений пожал плечами.

Некоторое время они ехали молча, глядя на серое асфальтовое полотнище, словно втягивающееся под колеса самосвала. Потом Митяй потрогал свои драгоценные бакенбарды и сказал:

— А я вот знаю. Когда из зоны вышел, все бывалого зэка из себя строил. Дружки соответствующие появились, деньжата завелись. Чуть не загремел по новой, то есть чуть не

сел опять. А у меня любовь и ребенок в ближайшей перспективе. Что делать?

— И как ты поступил? — спросил Евгений после затянувшейся интригующей паузы.

— Стал молиться, — ответил Митяй просто. — Просил: «Господь, наставь на путь истинный, помоги».

— И помог?

— Ты, я слышу, усмехаешься. Зря. Мы в этой жизни все заключенные с пожизненными сроками. Кто на игле сидит, кто за колючкой, кто водку хлещет, кто за станком стоит от зари до зари или в поле пашет. И хозяев у каждого — не перечить. Начальники, мусора, родственники. Все указывают, командуют, поучают. А у меня один начальник. — Митяй многозначительно поднял палец. — Над всеми. Лучше одному господину служить, чем десяти. И такому, который на самом деле все может. Попроси с душой, ни в чем не откажет. Если, конечно, желание правильное.

— А какие желания правильные? — спросил Евгений, почувствовав неожиданную симпатию к этому некрасивому, но по-настоящему душевному человеку.

Сам он в Бога вроде бы верил, но, скорее, лишь потому, что так делали другие: подвешивали кресты над лобовыми стеклами, держали дома дешевые бумажные иконки, уважительно поглядывали на золоченые купола храмов, отмечали Рождество и Пасху, отдавая предпочтение второму празднику, ведь так приятно разговеться и поесть куличей. Было ли это верой в Бога? И если да, то зачем самому Богу это было нужно? Неужели у Него так мало развлечений там, наверху, что Ему интересно наблюдать за тем, как люди крестятся, постятся и ставят свечки? Ничего больше от них не ждет? Они ни на что другое не годны? Тогда зачем было их создавать?

В общем, вопросов у Евгения было много, но задал он только один и получил на него исчерпывающий ответ.

— Те желания правильные, — произнес Митяй, — от которых никому вреда не будет. Ни тебе, ни другим.

— А такие бывают?

— Почему бы нет?

Задумавшись, Евгений пришел к выводу, что Митяй прав. Вот, к примеру, один человек решает подвезти другого бесплатно. Или подарить что-нибудь хорошее. Научить чему-нибудь, подбодрить, порадовать. Или просто сказать что-то важное. Вот как Митяй. Мог бы анекдоты травить или завести разговор «за жизнь», а он вместо этого попутчика на верный путь наставляет. И кому от этого вред? Никому. Значит, у Митяя с Богом действительно отношения особые.

«Возможно, — сказал Евгений мысленно. — Если Бог есть и если водила не слишком много на себя берет».

Так всегда случается: стоит забрезжить в нашей тусклой жизни неожиданному, новому свету, включается так называемый голос разума и все напрочь отрицает. Чудес не бывает, Бог далеко и все такое. Мы к этому голосу прислушиваемся и продолжаем жить, как жили, делать, что делали. И ничего не меняется. Потому что мозгу нашему перемен не хочется. Ему стабильность подавай, пусть скучную, зато безопасную.

— А вот скажи мне, — заговорил Евгений, пряча ехидную усмешку, — много тебе Бог помог в жизни? Ты сидишь за рулем самосвала, а не «мерседеса». И по прикиду твоему не скажешь, что ты богатый. Чем же тогда твое положение лучше? Что проку от твоих полезных желаний?

Он думал, что Митяй обидится или затеет спор, доказывая свою правоту, но этого не произошло. Обезьяноподобный водитель лишь улыбнулся чуть снисходительно, будто разговаривал с маленьким ребенком.

— Настанет день, и ты все поймешь, — сказал он. — Каждый поймет, один раньше, другой позже.

— Короче, ты умный, а кругом одни дураки, — подытожил Евгений.